

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ И БЕЛОГО ДВИЖЕНИЯ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА 50-Х – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА 70-Х ГГ. XX В.)

© 2008 П.И.Гришанин

Пятигорский государственный лингвистический университет

Современное осмысление становления отечественной исторической науки в советский период идет по нескольким направлениям. Одни исследователи рассматривают феномен "советская историография" исключительно в контексте "наука и власть", другие же – как взаимоотношение и взаимодействие домарксистской и марксистской школ отечественной историографии. Ряд историографов полагает, что речь идет о "социальном, историографическом проекте", характерными чертами которого выступает классовый подход как заданная ценность и нацеленность на борьбу с буржуазной историографией. Существует и так называемая "компромиссная" позиция. Ее сторонники утверждают, что советская историография сформировалась как сочетание "факторов внешнего и внутреннего влияния" и потому отличалась активным участием историков в политической жизни страны и постоянством борьбы с позитивизмом. Но с учетом многообразия оценочных позиций вряд ли можно отрицать, что советская историография формировалась и развивалась как сложный и уникальный исторический феномен, многообразный и многоплановый, ускользающий от однозначной оценки. И именно поэтому в современных условиях социализации науки исследование проблемы феномена советской историографии невозможно без специальных компаративных разработок различных национальных историографий в реалиях рубежа XX – XXI вв.

Не секрет, что советская историография Гражданской войны формировалась на установках, что сама российская революция 1917 г. являлась по существу Гражданской войной, поскольку революционная борьба за власть принимала вооруженный характер. Ведь именно так понимал Гражданскую войну В.И.Ленин, рассматривая ее как самую острую форму классовой борьбы и выдвигая лозунг превращения империалистической войны в гражданскую. Зато в сталинском "Кратком курсе истории ВКП (б)" революция была уже отсечена от Гражданской войны, начало которой стали относить к лету 1918 г.

Однако дискуссии по поводу "привязки" нового историографического этапа к тому или иному событию вряд ли являются плодотворными. Как известно, в структуре процесса исторического познания можно выделить несколько последовательных фаз развития: от научной гипотезы через ее утверждение и зрелость до кризиса и так называемого реликтового состояния. Эти этапы исследовательского процесса невозможно объяснить ни историческим, ни историографическим фактами. В ходе самого исследования они трансформируются соответственно в историческое и историографическое знание. Кроме того, сама историческая наука предстает в форме реконструкции прошлого на основе той или иной концепции.

Последняя же определяется содержанием источников, испытывая при своем оформлении воздействие множества факторов. В силу этого, по мнению современного исследователя А.М.Дубровского, она может быть представлена как форма общественной мысли, охватывающая собой прошлое, и сближаться с идеологией¹.

Возьмём, к примеру, середину 50-х годов XX в. Именно в этот период историки получили возможность познакомиться с достижениями и результатами исследований своих зарубежных коллег. Однако использование этого опыта было ограничено существовавшими канонами "критики буржуазной, антимарксистской и ревизионистской историографии". Первые отрывочные сведения о существовании эмигрантской литературы о Гражданской войне стали появляться только в 60-е гг. Анализируя военно-политическую деятельность противников большевизма, многие авторы вводили в научный оборот разнообразные материалы из лагеря белых. Однако обращение к рукописному наследию представителей антибольшевистской оппозиции происходило на уровне изложения отдельных фактических данных, нередко

¹ Дубровский А.М. Историк и власть: историческая наука в СССР и концепция истории феодальной России в контексте политики и идеологии (1930 – 1950-е гг.). – Брянск: 2005. – С.315.

изымаемых из общего контекста повествования, и не преследовало цель историографического исследования изданных по Гражданской войне работ представителей русского зарубежья. Военная проблематика 1917 – 1920 гг. с ориентацией на то, что разгром белогвардейских вооруженных формирований по существу означал и крушение Белого движения², все заметнее стала уступать место социально-политическим сюжетам истории советского государства. Стали появляться работы, авторы которых признавали необходимость изучать классовых противников большевизма в период Октябрьской революции и Гражданской войны, отказаться от различного рода абстракций в изучении этого вопроса³. Однако "прорыва" в этом направлении все-таки не произошло. Соглашаясь с Г.А.Бордюговым, А.И.Ушаковым и В.Ю.Чураковым, возобладала точка зрения харьковского историографа И.Л.Шермана, предостерегавшего "от чрезмерного увлечения освещением политики контрреволюции"⁴.

Методологические направления их изучения определялись партийными документами этого времени и, в первую очередь, положениями доклада Н.С.Хрущева на XX съезде КПСС "О культуре личности и его последствиях", связанными с анализом революционного политического процесса в России в послеоктябрьский период:⁵

- 1918 год – период "угрозы нашествия империалистических интервентов";
- 1919 год – период "разгара Гражданской войны";
- "революционный террор как необходимость подавить сопротивление эксплуататор-

ских классов";

- революционный террор был "навязан терроризмом Антанты".

Суммарно все проистекавшие отсюда исследовательские новации можно дифференцировать на ряд направлений:

- империалистическая интервенция начала рассматриваться с учетом ее взаимозависимости от развития политических событий в самой России;⁶
- структурная дифференциация российской контрреволюции стала опираться на анализ платформ и позиций представлявших ее политических сил и отдельных личностей;
- исследование социальной базы Белого движения приближалось к научному анализу фактического материала;
- включение проблем военного и гражданского управления белых политических режимов в исследовательское пространство⁷.

В той или иной степени все это нашло отражение как в обобщающих исследованиях конца 50-х – начала 60-х гг. по истории Гражданской войны⁸, так и в тех, авторы которых стремились, главным образом, к всестороннему освещению взаимодействия внутренней и внешней контрреволюции в период Гражданской войны⁹. Например, в монографии Л.М.Панина "государственный переворот" в Омске, приведший А.В.Колчака к диктаторству, анализировался уже через призму противоречий между империалистами США, Фран-

² См.: Поляков Ю.А. Боевой восемнадцатый год. – М.: 1958; Кондаков А.А. Разгром десантов Врангеля на Кубани. – Краснодар: 1960; Спасский А. Третья армия. – Пермь: 1958; Стишов М.И. Большевистское подполье и партизанское движение в Сибири в годы гражданской войны (1918 – 1920 гг.). – М.: 1962; Шелестов Д.К. Год девятнадцатый. – М.: 1961 и др.

³ См.: Голиков Г. Об изучении истории Октябрьской революции // Коммунист. – 1960. – № 10. – С. 90; Тодорский А.И. Размышляя над мемуарами // Литературная газета. – 1962 – 30 авг.

⁴ Бордюгов Г.А., Ушаков А.И., Чураков В.Ю. Указ. соч. – С.17.

⁵ О культуре личности и его последствиях. Доклад первого секретаря ЦК КПСС тов. Хрущева Н.С. XX съезду КПСС 25 февраля 1956 года // Реабилитация. Политические процессы 30-х – 50-х годов. – М.: 1991. – С.28, 33.

⁶ См.: Белан Ю.Я. Отечественная война украинского народа против немецких оккупантов в 1918 году. – Киев: 1960; Лихолат П.В. Разгром националистической контрреволюции на Украине (1917 – 1922 гг.). – М.: 1954; Надинский П.Н. Очерки по истории Крыма. – Симферополь: 1957. – Ч. 2.; Сиполс В.Я. За кулисами иностранной интервенции в Латвии (1918 – 1920 гг.). – М.: 1959 и др.

⁷ См.: Иванов Б.В. Антинародная роль руководства сибирской кооперации в период колчаковщины (ноябрь 1918 – ноябрь 1919 гг.) // Труды Томского университета. – 1972. – Т. 231; Кадейкин В.А. Антирабочая политика Временного Сибирского правительства // Труды Томского университета. – 1969. – Т. 214 и др.

⁸ См.: Кузьмин Г.В. Гражданская война и военная интервенция в СССР. – М.: 1958; Ивакин И.Ф. Очерки истории внешней политики СССР. – М.: 1958; Бовыкин В.И. Очерки истории внешней политики России. Конец XIX века – 1917 год. – М.: 1960 и др.

⁹ См.: Шлишкин С.Н. Гражданская война на Дальнем Востоке. – М.: 1957; Шершевский В.М. Разгром семеновщины. – Новосибирск: 1966 и др.

ции, Англии и Японии¹⁰.

Другому исследователю, Л.М.Спирину, удалось избежать преувеличения роли влияния международного империализма на перипетии политической борьбы за власть между различными течениями сибирской контрреволюции. В этой связи колчаковский переворот считался закономерным и выводился из характера развития антибольшевистской борьбы в Сибири. Однако функционирование колчаковского режима оценивалось в формулировках типа "реанимация бывших законов Российской империи", "произвол военщины" и т.п.¹¹.

О зависимости хода Гражданской войны от империалистических противоречий образца Первой мировой войны писал в своей монографии и В.В.Тарасов. Не рассматривая российскую контрреволюцию на севере страны в качестве самостоятельной противобольшевистской силы, он сконцентрировал внимание на функционирование в этом регионе интервенционистской администрации, определяя ее категориальными рамками "режима интервентов"¹².

В отличие от В.В.Тарасова, М.В.Рыбаков белогвардейский режим на северо-западе России замыкал исключительно на командовании сначала Северного белогвардейского корпуса, а потом Северо-Западной белогвардейской армии Н.Н.Юденича. Затрагивая вопросы аграрной политики белых в этом регионе, он, однако, не пошел дальше констатации её антинародного характера. Главную же причину поражения Белого движения автор сводил опять-таки к противоречиям, но исключительно между белогвардейцами и финско-эстонской буржуазией¹³.

Особенно заметным и достаточно типичным явлением в исторической науке 60-х – 70-х гг. стало создание многотомных коллективных трудов по отечественной истории, подготовка которых особенно активизировалась после XX съезда КПСС ("История СССР", "Очерки истории исторической науки в СССР", "История Коммунистической партии Советского Союза",

"Историческая энциклопедия"). Доминирующей проблематикой этих изданий была борьба большевиков против классовых врагов революционного пролетариата, включавшая в себя и борьбу против контрреволюции и интервенции.

Огромное влияние на изменение исследовательской проблематики по истории Гражданской войны оказала публикация массива региональных сборников документов, посвященных борьбе за власть Советов на местах в 1917 – 1920 гг. и приуроченных к 40-летию юбилею Октябрьской революции. Они включали в себя обширный фактический материал, позволявший судить о процессе формирования политических институтов, политических отношений, политической культуры в России после Октября 1917 г. в условиях жесткого противостояния партийно-политических сил¹⁴. По подсчетам исследователя Я.П.Парусимова, за период с 1956 – 1977 гг. журналы "Вопросы истории" и "История СССР" соответственно поместили на своих страницах 177 и 140 работ, связанных с изучением Гражданской войны в СССР. Наибольшее количество публикаций за обозначенный период (319) сделал "Военно-исторический журнал". При этом количество научных исследований в изданиях приблизительно было равно количеству документальных публикаций¹⁵.

Обилие архивных документов, впервые введенных в научный оборот, без сомнения, стимулировало как написание монографий по истории формирования в период Гражданской войны советской государственности¹⁶, так и активизацию социальной тематики в работах, связанных с освещением функционирования белогвардейских политических режимов.

¹⁴ См.: Борьба за победу Советской власти в Грузии. Документы и материалы. – Тбилиси: 1958; Борьба за Советскую власть на Кубани в 1917 – 1920 гг.: Сб. документов и материалов. – Краснодар: 1957; Борьба за власть Советов на Дону. 1917 – 1920 гг. Сб. документов. – Ростов н/Д.: 1957; Борьба за власть Советов в Астраханском крае (1917 – 1920 гг.): Документы и материалы. – Астрахань: 1958. – Ч.1.; Борьба за Советскую власть в Чечено-Ингушетии (1917 – 1920 гг.): Сб. документов. – Грозный: 1958 и др.

¹⁵ Парусимов Я.П. Проблемы интервенции и гражданской войны в СССР в современных периодических журналах (1956 – 1977 гг.). Автореф. дис. на соиск. уч. степ. канд. истор. наук. – М.: 1979. – С.5.

¹⁶ См.: Гимпельсон Е.Г. Советские в годы иностранной интервенции и гражданской войны. – М.: 1968; Городецкий Е.Н. Рождение Советского государства (1917 – 1918 гг.). – М.: 1965 и др.

¹⁰ Панин Л.М. Крах колчаковщины и образование Дальневосточной республики. – М.: 1957. – С. 19 – 20.

¹¹ Спирин Л.М. Разгром армии Колчака. – М.: 1957. – С. 12 – 13, 35 – 37.

¹² Тарасов В.В. Борьба с интервентами на севере России (1918 – 1920 гг.). – М.: 1958. – С. 220 – 221, 222 – 293.

¹³ Рыбаков М.В. Из истории гражданской войны на северо-западе в 1919 г. – М.: 1958.

В этой связи трудно обойти вниманием монографическое исследование бывшего полкомиссара 4-й дивизии XI-й армии, активного участника событий Гражданской войны В.Т.Сухорукова, который сумел показать противоречивость и неустойчивость социальной опоры как для красных, так и для белых на Южном фронте¹⁷. Помимо острых противоречий в земельном вопросе между казачеством и крестьянством на Кубани, исследователь указал на имущественную дифференциацию внутри этих групп, влияющую на процесс легитимизации того или иного политического режима. В связи с этим В.Т.Сухоруков подчеркивал, что горские народы Северного Кавказа поддерживали большевиков из-за нежелания возврата к имперскому решению национального вопроса.

Данная монография интересна еще и с точки зрения своеобразной позиции, которую её автор занимает относительно конфликта между А.И.Деникиным и П.Н.Красновым. Соглашаясь с В.Д.Зиминой, несомненной новизной были отмечены выводы В.Т.Сухорукова о том, что принесение деникинцами царицинского наступления в жертву ради кубанского направления диктовалось исключительно подготовкой к последующему "походу на Москву"¹⁸. Многие положения В.Т.Сухорукова были дискуссионными (например, о том, что А.М.Каледин являлся инициатором "московской директивы" Белого движения), но вряд ли можно согласиться с категоричными заявлениями некоторых современных исследователей о том, что все выдвигаемые аргументы (в том числе и о падении морального духа белых) напоминали пропагандистские лозунги¹⁹. Данная работа являлась продуктом своего времени, отражая все процессы и тенденции развития самой исторической науки. И тем более В.Т.Сухоруков был не один в выборе как количественных, так и качественных параметров своего исследования.

Например, современник В.Т.Сухорукова А.П.Алексащенко крушение деникинского режима связывал не столько с боевым превосход-

ством Красной армии, сколько с нерешенностью белыми реформаторами большинства социально-экономических проблем²⁰. Почти одновременно аналогичную оценку, но только политическому режиму П.Н.Краснова на Дону в 1918 г., сделал К.А.Хмелевский, чья монография, по существу, открывала казачью проблематику эпохи Гражданской войны в отечественной историографии в указанный период²¹.

Оба исследователя активно оперировали понятием "единоличная военная диктатура". Её сущностную характеристику они выводили из объединения внешних и внутренних антисоветских сил для вооруженной борьбы с Советами. Проблемы социально-экономического характера исследовались попутно. Для Алексащенко, например, было важным показать функционирование деникинского режима только лишь как "военно-политической машины", периодизацию которого он определяет с позиций борьбы советского народа против деникинщины с октября 1917 г. по апрель 1920 г. Поэтому и причины крушения деникинского режима определялись преимущественно "советского общественного и государственного строя, основанного на прочном союзе рабочих и крестьян и дружбе народов"²².

Главной слабостью исследовательского процесса в этот период была неотработанность категориального аппарата, носившего на себе отпечаток господствовавших идеологических ориентиров. Историческая наука развивалась в том же направлении, без коренных изменений, или незначительными новациями в проблематике, что часто изображалось в виде существенных сдвигов в изучении истории Гражданской войны.

Как известно, во второй половине 70-х гг. началось обсуждение методологических проблем историко-партийной науки, которое вело к актуализации уже известных идей классиков марксизма-ленинизма²³. Поэтому для исследователей Белого движения крайне сложно

¹⁷ Сухоруков В.Т. XI армия в боях на Северном Кавказе и Нижней Волге (1918 – 1920 гг.). – М.: 1961. – С. 5 – 6, 38.

¹⁸ См.: Зиминая В.Д. Белое движение и российская государственность. – С. 108 – 109.

¹⁹ См.: Юдин С.С. Моральный дух Добровольческой армии и его укрепление (ноябрь 1917 – январь 1919 гг.). Историческое исследование. Автореф. дис. на соиск. уч. степ. канд. истор. наук. – М.: 2006. – С. 3.

²⁰ Алексащенко А.П. Крах деникинщины. – М.: 1966. – С. 20, 64 – 75.

²¹ Хмелевский К.А. Крах красновщины и немецкой интервенции на Дону (апрель 1918 – 1919 гг.). – Ростов н/Д.: 1965. – С. 153.

²² Алексащенко А.П. Указ. соч. – С.3, 56, 281 – 283; 284 – 285.

²³ См.: К итогам обсуждения методологических проблем истории КПСС // Вопросы истории КПСС. – 1978. – № 12; Варшавчик В.А. Историко-партийное источниковедение: Теория, методология, методика. – Киев: 1984.

было решить проблему легитимности антибольшевистских политических режимов, а, следовательно, объяснить причины их крушения.

Весьма показательна в этом отношении работа Ю.К.Кириенко, который калединщину на Дону называл и "мятежом, и "режимом", противопоставляя ее "корниловской" и "кадетской" контрреволюции. Несмотря на то, что политическая программа А.М.Каледина с ее идеей "сохранения неизменным казачьего земле владения и землепользования" объявлялась "социальной демагогией", вся калединщина представлялась исследователем как "главный очаг и оплот все-российской реакции", опиравшейся на помощь международного империализма²⁴.

Традиционное объединение внутренней и внешней контрреволюции в единую антибольшевистскую политическую силу получало новое объяснение, но в прежних методологических рамках. Интервенционистская проблематика начала активно использоваться для доказательства антинародной политики лидеров Белого движения в силу невозможности вывести делегитимизацию белогвардейских режимов из самого механизма их функционирования²⁵. При этом, как признавал в свое время И.И. Минц, наряду "со сталинским абсолютом в оценке мирового империализма" и явно недостаточным анализом каждой отдельной державы, присутствовала ленинская дифференциация интервенции с учетом ее экономической ориентации²⁶.

Однако попытки развенчать миф о единстве внутренней и внешней контрреволюции ("противники Октября") никто не предпринимал. Историк О.Ф.Соловьев главную причину интервенции империалистов Антанты видел в их стремлении помочь "контрреволюционному

союзу" буржуазно-помещичьих и мелкобуржуазных кругов в России покончить с большевиками. Сопряженность этих процессов с военными событиями Первой мировой войны исключалась, поэтому о противоречиях между антантовскими и германскими империалистами умалчивалось²⁷.

Катализирующим фактором изучения Белого движения стало со второй половины 60 – х гг. исследование истории политических (непролетарских) партий в России в качестве самостоятельного научного направления²⁸. Официальное право на существование оно получило в обстановке формирования догматов о незыблемости руководящей роли КПСС и "ее подлинно народной сущности", в отличие от всех остальных российских партий, исчезнувших с политической арены вскоре после октябрьских событий 1917 года. Отсюда вся история "непролетарских" партий трактовалась как путь к неминуемому политическому банкротству, которое в период Гражданской войны стало очевидным.

В качестве главной партии контрреволюции, представлявшей политические интересы буржуазии и помещиков, объявлялись кадеты. Влияние их на идеологию Белого дела не подвергалось сомнению, особенно с учетом расплывчатости его политической платформы, отбрасывавшей завоевания Февральской революции и не доходившей до открытого провозглашения реставрации царского режима²⁹.

При этом мелкобуржуазные партии, прежде всего социалисты-революционеры (эсеры), рассматривались и как партийное оформление

²⁴ Кириенко Ю.К. Крах калединщины. – М.: 1976. – С. 6, 7, 69, 71, 110.

²⁵ См.: Борьба за Советскую власть в Прибалтике. – М.: 1967; Мальшев М.О. Оборона Петрограда и изгнание немецких оккупантов с северо-запада в 1918 году. – Л.: 1974; Навицкас К.В. Литва и Антанта (1918 – 1920 гг.). – Вильнюс: 1970; Сиполс В.Я. Тайная дипломатия: Буржуазная Латвия в антисоветских планах империалистических держав (1919 – 1940 гг.). – Рига, 1968; Холодковский В.М. Революция в Финляндии и германская интервенция. – М.: 1967; Фрайман А.Л. Революционная защита Петрограда в феврале-марте 1918 г. – М.; Л.: 1964 и др.

²⁶ См.: Минц И.И. Сталин в гражданской войне: Мифы и факты // Вопросы истории КПСС. – 1989. – №11. – С.36 – 37.

²⁷ Соловьев О.Ф. Великий Октябрь и его противники: О роли союза Антанты с внутренней контрреволюцией в развязывании интервенции и Гражданской войны (окт. 1917 – июль 1918 гг.). – М.: 1968. – С. 162 – 163, 321 – 322, 324.

²⁸ См.: Гусев К.В. Крах партии левых эсеров. – М.: 1963; Его же. Крах мелкобуржуазных партий в СССР. – М.: 1968; Комин В.В. Банкротство буржуазных и мелкобуржуазных партий России в период подготовки и победы Великой Октябрьской социалистической революции. – М.: 1965; Малашко А.М. К вопросу об оформлении однопартийной системы в СССР. – Минск: 1969; Рубан Н.В. Октябрьская революция и крах меньшевизма (март 1917 – 1918 гг.). – М.: 1968; Трифонов И.Я. Ликвидация эксплуататорских классов в СССР. – М.: 1975 и др.

²⁹ См.: Спириин Л.М. Крушение помещичьих и буржуазных партий в России (начало XX – 1920 г.). – М.: 1977. – С. 287.

первого этапа в развитии внутренней контрреволюции ("мелкобуржуазная контрреволюция"), и как "пособники буржуазии", и как "третья сила" в военно-политическом противоборстве революционной и контрреволюционной диктатур³⁰. В 80-е гг. это положение получит свое дальнейшее развитие. Ведущие исследователи этого направления будут писать о двух этапах в развитии антибольшевистского движения – мелкобуржуазной и буржуазно-помещичьей контрреволюции и рубежности Уфимского государственного совещания в сентябре 1918 г., покончившего с эсеров-меньшевистской идеей о всероссийском правительстве как органе, сформированном Учредительным собранием и ответственном перед ним³¹. Кроме того, данной работе будут способствовать проводимые, позднее ставшие регулярными, научные конференции и симпозиумы, которые по решению отделения истории АН СССР проводили научный совет АН СССР по комплексной проблеме "История Великой Октябрьской социалистической революции", Институт истории СССР АН СССР и Калининский государственный университет³².

Применительно же ко второй половине 60-х – началу 70-х гг. упор делался на региональную специфику мелкобуржуазной контрреволюции, представители которой входили в состав антибольшевистских правительств. Исследователи стремились доказать реакционность функционировавших в период Гражданской войны эсеровских правительств и таким образом включить в число классовых врагов большевизма под расплывчатой дефиницией "белогвардейщина". Например, известный со-

ветский историк В.В.Гармиза, Верховное управление Северной области считал "более правым" по сравнению с Самарским комитетом членов Учредительного собрания на том основании, что первое представляло собой коалицию эсеров с "буржуазными представителями". При этом он считал возможным называть его и белогвардейским, и эсеровским, в то время как Комучу было отказано в таком праве из-за проводимой им "контрреволюционной аграрной и рабочей политики". Комуч и Западно-Сибирский комиссариат, не допуская представителей буржуазии в центральные органы власти, характеризовались историком как "обычные буржуазные диктатуры"³³.

Близок к подобной оценке Уфимского государственного совещания был и Спириин³⁴. Его концепция Белого движения строилась на констатации "ярко выраженного классового характера" вооруженных формирований А.В.Колчака и А.И.Деникина, включавших в себя "сравнительно однородную классовую массу" из богатых крестьян, богатых казаков, а также всех недовольных советской властью. Следуя классовой установке о географическом размежевании политических сил в Гражданской войне, Спириин замыкал Белое движение в территориальных границах экономически богатых Дона, Северного Кавказа, Западной Сибири. Поражение белогвардейских политических режимов он идентифицировал с "окончательной гибелью в России буржуазии и помещиков", идеологические ценности которых не нашли поддержки "среди крестьян и городских обывателей".

Наряду с укреплением выделенных аспектов исторического знания по истории Гражданской войны, несомненным подъемом научного уровня работ, совершенствованием методики анализа источников, на рубеже 60 – 70-х гг. начался период приспособления исторической науки к идейно-политическим ценностям функционировавшего режима, сурово каравшего за инакомыслие. Осуществлялось это руками самих же историков, рьяно защищавших марксизм от ревизионизма. От историков требовалось подтверждение, что марксизм-ленинизм в том виде, в каком он оформился к этому времени, является самым передовым, самым ста-

³⁰ См.: *Гармиза В.В.* Крушение эсеровских правительств. – М.: 1968. – С. 3, 4; *Спириин Л.М.* Классы и партии в гражданской войне (1917 – 1920 гг.) в России. – М.: 1968.

³¹ См.: *Непролетарские партии в России: Урок истории.* – М.: 1984; *Подболотов П.А., Спириин Л.М.* Крах меньшевизма в Советской России. – Л.: 1988. – С. 118; *Спириин Л.М.* Россия 1917 год: Из истории борьбы политических партий. – М.: 1987. – С. 256 и др.

³² *В.И.Ленин и история классов и политических партий в России.* – М.: 1970; *Щагин Э.М.* Крах белогвардейских контрреволюционных союзов в Сибири и на Дальнем Востоке (1918 – 1922) // XXIV Герценовские чтения. Ист. Науки. – Л.: 1971; *Из истории гражданской войны и интервенции. 1917-1922 гг. Сб.ст.* – М.: 1974; *Банкротство мелкобуржуазных партий в России в Октябрьской революции и гражданской войне.* В 2-х ч. – М.: 1980.

³³ *Гармиза В.В.* Указ. соч. – С.127 – 128, 140, 141, 287, 290.

³⁴ *Спириин Л. М.* Классы и партии в гражданской войне (1917 – 1920 гг.) в России. – С. 288, 289, 374.

бильным и перспективным учением, проверенным социальной практикой XX в.³⁵

Несмотря на громкие призывы к новациям, к отказу от устаревших догм и стереотипов, от эмпиризма и идеализации истории XX в., в исторической науке сохранялись все прежние черты, подходы и принципы. Их изменение требовало иных условий, иного типа организации науки и управления ею, радикального обновления понимания ее задач и роли в обществе³⁶. Сказанное находило проявление в попытке возвращения в науку методологической парадигмы "трех походов Антанты" в качестве объяснения причин всего хода Гражданской войны³⁷, а также в осуждении тех исследователей, которые пытались оппонировать данным установки³⁸. Однако протестные ответы были крайне слабы, что вело к повторению марксистских истин, например "об общероссийском характере Гражданской войны в период с октября 1917 г. по февраль 1918 г."³⁹

В итоге необходимо отметить, что периодизация советской историографии Гражданской войны выступает как некий аналог периодизации советской историографии Белого движения. В ее рамках Белое движение изучалось только в контексте революционных завоеваний пролетариата. Господствующей была идеология, что Белое движение представляло собой внутреннюю контрреволюцию, победу над ко-

торой революционный пролетариат в союзе с крестьянством одержали благодаря мудрости коммунистической партии. Поэтому изучение советской традиции историографического осмысления Белого движения может идти только по пути хронологической группировки колоссального количества историографических фактов, касавшихся истории Гражданской войны в целом с учетом её регионального многообразия.

³⁵ См.: Развитие советской исторической науки. 1970 – 1974. – М.: 1975; Изучение отечественной истории в СССР между XXV и XXVI съездами КПСС. – М.: 1982 и др.

³⁶ См.: *Алексеева Г.Д.* Некоторые вопросы развития исторической науки в 60 – 80-е гг. // Историческая наука в России в XX веке. – М.: 1997. – С.295 – 296.

³⁷ См.: *Кузьмин Г.В.* Разгром интервентов и белогвардейцев в 1917 – 1922 гг. – М.: 1977; Крах первого нашествия империалистов на страну Советов. – М.: 1973; *Кульшиев Ю.С.* Разгром Юденича. – Л.: 1972; *Носкова В.Н.* Против ставленников Антанты. – Л.: 1972 и др.

³⁸ См.: *Азовцев Н.Н., Селяничев А.К.* Основные этапы гражданской войны и вооруженные силы советской республики // Из истории гражданской войны и интервенции, 1917 – 1922 гг.: Сб. статей. – М.: 1974. – С. 17 – 190.

³⁹ См.: *Поликарпов В.Д.* Пролог гражданской войны в России. Октябрь 1917 г. – февраль 1918 г. – М.: 1976. – С. 8 – 9.

SOME ASPECTS OF SOVIET HISTORIOGRAPHY OF THE CIVIL WAR AND THE WHITE MOVEMENT (SECOND HALF OF THE 1950S – FIRST HALF OF THE 1970S)

© 2008 P.I.Grishanin

Pyatigorsk State Linguistic University

The contemporary comprehension of the formation of historical science in the Soviet period is following several directions. Some researchers examine Soviet historiography phenomenon exclusively in the context of "science and authority", others – as interrelation and cooperation of the pre-Marxist and Marxist schools of the country's historiography. Some historiographers assume that the discussion deals with "social, historiographical project", which characteristic features are class approach as an assigned value and a focus on fighting against bourgeois historiography. There also is so-called "compromise" position. Its supporters assert that Soviet historiography was formed as the combination "of the factors of external and internal influence" and therefore it was characterized by the active participation of historians in the political life of the country and continuous struggle against positivism. But taking into account the variety of these assessments it is hardly possible to deny that Soviet historiography was formed and developed as a complex and unique historical phenomenon, diverse and multidimensional, which can't be given any single-valued estimation. Therefore in the present conditions of the socialization of the science the study of Soviet historiography phenomenon is impossible without special comparative researches of different national historiographies in the realities of the turn of the XX – XXI centuries.